

Тигринья

История вторая. Конкубина
консула

12+

Тигринья

История вторая.

Конкубина консула

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39832301

SelfPub; 2018

Аннотация

Это вторая история из жизни "дорогой мамочки". Полгода на Альмейне закончились. И баронесса Воробышек снова на Новом Вавилоне. И никакая она уже не баронесса, а всего лишь чистокровная линии лямбда. Желанный приз для любой патрицианской семьи.

Эпиграф:

Свободу не подарят, свободу надо взять,

Свисти скорей, товарищ, нам время воевать.

Мы жить с тобой бы рады, но наш удел таков,

Что умереть нам надо до первых петухов.

Нас горю не состарить, любви не отозвать,

Свисти скорей, товарищ, нам время умирать.

Другие встретят солнце, и будут петь и пить,

И, может быть, не вспомнят, как нам хотелось жить.

© Илья Эренбург "Французская песня"

Глава первая:

О "тёплой" встрече, ожидающей Воробышка на Новом Вавилоне, о "прекрасном годе", воспоминаниях детства и о встрече с легендой.

– Чистокровная, мы не сможем тебя защитить. Ты слишком долго думала. – И, повернувшись к мужу, – Гай, мы и себя не сможем защитить.

Смотрю на жену сенатора Мária, отмечая как она постарела за эти несколько лет. Надо же как-то отвлечься. За стенами беснуются толпы жаждущих моей крови, служащие порталной станции напуганы, и готовы меня отдать. Патрицианка права. Как же её зовут... Благородная Калерия. Точно. Я не предполагала, что родители моего первенца приедут за мной... Но не смогла заставить себя согласиться уехать с ними. Что-то мне не позволило это сделать. Или кто-то? Поискала в себе барона Алека, – не нашла. После нескольких

наших ссор он не отзывается. А может быть ему не удалось пройти портал. Не ему, конечно. Барон продолжает жить в замке Делон, пугать людей, заниматься политикой баронств. Та часть его, которая была в поставленной им на меня метке, осталась там? Или всё-таки?..

Новый Вавилон бунтует. Очередное повышение налогов не встретило понимания. Кто-то мудрый обратил народный гнев против дорогих мамочек. Резиденции патрициев защищены от толпы не хуже, чем военные базы. Некоторые даже лучше. Так что тем чистокровным, которые находятся в них – ничего не угрожает. А вот те, кто были в общественных местах... И я... Выйдя из портала, зависла на станции. Служащие оказались между двух огней. Кто-то сообщил толпе, что здесь ожидается дорогая мамочка, и на улице меня ждёт "комитет по встрече". Сенатор, являющийся отцом моего первенца, приехал с женой, желая меня вывезти к себе. Но, памятуя об их отношении к дорогим мамочкам, так непосредственно высказанном моим первенцем, я не торопилась давать согласие. А увезти меня силой – со мной ещё совладать нужно. Ни сенатору, ни его супруге со мной не справиться. Даже вдвоём. Вот и дождались. Ещё минут пять – много десять, и полетят бутылки с зажигательной смесью...

Замигал сигнал перехода. Все напряглись. Если сейчас бунтовщики окажутся внутри... Хотя, – переход служебный. Ждём полторы минуты, пока формируется многоцелевой портал. На всякий случай, один из метательных ножей дер-

жу наготове. Да, обратно я перебиралась в комбезе и берцах. Как чувствовала! И набор метательных ножей взяла с собой. И боевой нож, который в меня бросил Кобра в начале охоты. Теперь этот нож – мой талисман. На удачу. Надеюсь, не понадобится.

Наконец-то сформировалась арка порталных врат. И в неё шагнули несколько легионеров в лёгком доспехе. Рассредоточились, взяв под контроль весь порталный зал, и двери в служебные помещения. Присутствующих в зале людей игнорируют, держа при этом под контролем. Это надо уметь, – так показать своё пренебрежение "прочим штатским лицам". Несколько секунд... И в зал вышел... консул. Багряный плащ паучьего шёлка колыхнется от самого лёгкого дуновения; стилизованный под офицерский доспех скафандр высшей защиты сияет. Оружие – за спиной. И правильно. Зачем благородному Флавию оружие. Если его ребята всё и всех на прицеле держат. Внутри меня раздалось злое шипение. Барон Алек всё-таки остался со мной. Консул осмотрел помещение, скользнул по мне взглядом, учтиво поклонился благородной Калерии, и кивнул сенатору, как старому знакомому.

– Приветствую, сенатор. Благородная Калерия.

Отвернулся от них, жестом подозвал одного из легионеров. С наручня легионера на возникший перед консулом экран потекла информация. Консул кивнул. Всё молча. Военные – народ своеобразный. Быстрый карьерный рост, од-

нако. Четыре года назад благородный Флавий был легатом. А сейчас... Но армия с народом не воюет. У нас республика. Либертэ, Эгалитэ, Фратернитэ, так сказать. А народ там, за стенами, готов воевать с кем угодно. О! На меня обратили внимание! Ну надо же, не подозвал, а подошёл. Что ж я злая такая? От страха? Или это барон Алек бесится? Ревнует? Ну и зря! Между патрицием и чистокровной никаких отношений быть не может.

– Воробышек...

И тишина. Смотрю на консула, ищу сходство с благородной Софией. А консул рассматривает меня. Ой, а я-то! Привыкла баронессой быть! Благородная Калерия уже губы поджала. Сейчас воспитывать начнёт.

– Приветствую благородного Флавия.

– Я забираю тебя отсюда.

Вот так... Забираю. То есть моё мнение никого не интересует. Возникло ощущение дежавю. Смотрю на консула, потом на сенатора, потом на легионеров. Легионеры отвечают индифферентным взглядом. Им вообще пофиг. А вот сенатор попытался высказаться.

– Тебе не удастся увезти чистокровную, консул. Её разорвут.

– Если я позволю, сенатор. А я не позволю.

Не ладят патриции. Или это извечное противостояние военных с гражданскими болтунами?

– Благородный Флавий не забыл, что армия не воюет с

гражданским населением?

– Какая армия, сенатор? Здесь только мои преторианцы.

Сенатор отступил на шаг, посерел лицом и севшим голосом тихо спросил:

– Ты понимаешь, что делаешь? Мы не отмоемся, если ты спустишь свору своих псов на беснующееся там быдло. Я не хочу иметь с этим ничего общего!

– Ты мне надоел, сенатор.

Еле уловимое на грани слышимости гудение готового к стрельбе оружия. Бледная Калерия. Спокойный сенатор. Патрицианские разборки... Консул нажал пару символов на своём наручне, и открылся люк в монолитном (я поклялась бы!) полу. Не люк, – а широченный проём, в который спокойно въедет средних размеров танк. Убежище на случай галактической войны. Консул кивнул одному из легионеров, то есть преторианцев, и тот понятиливо заулыбался.

– Штатская сволочь может убираться! Всё для сохранения ваших задниц!

Ну? Я хочу сказать, что? А меня, значит, к штатской сволочи не относят? Или я – боевой трофей?

– Благородный Марий, задержись. Ты мне нужен.

Преторианцы мгновенно оттеснили от люка сенатора. Благородная Калерия осталась дожидаться мужа. Консул взял меня за руку, осторожно вынул из моих пальцев метательный нож, покрутил, улыбнувшись, и вернул мне. Нож убрала на место. Опять взял за руку. Подвёл к сенатору.

– Я беру эту женщину себе. Засвидетельствуй.

Сенатор открыл рот. Закрыл. Посмотрел на преторианцев...

– Я, Гай Марий, сенатор Республики, свидетельствую.

– Ты с ума сошёл, благородный Флавий?! Она чистокровная!

– Я это знаю, благородная Калерия.

Серьёзно сказал. С уважением. Так говорят с неадекватными людьми, или маленькими детьми... Преторианцы заулыбались. В баронствах более непосредственно реагировали. Хотела возмутиться, потому что патрицианка права, – с чистокровными конкубинат не заключается. Точнее, в законе ничего об этом нет, но и прецедентов никогда не было. Барон Алек шикнул на меня: "Молчи, ему надо иметь право на твою защиту". "Он и так обязан меня защищать. По Первому Евгеническому закону". "Глупая Воробышек! Сейчас законы не действуют. А свою женщину защитить – святое дело".

И мы вышли на улицу. К озверевшей толпе. Десять преторианцев, консул и я.

– Отдай! Отдай нам чистокровную! Отдай, патриций!

Поёжилась... Кровожадные вопли не вдохновляют. Меня засунули вглубь преторианцев. Консул бесстрастно смотрит на беснующуюся толпу, преторианцы веселятся, как на прогулке. Странное поведение... Консул вскинул руку. Толпа начала затихать...

– Расходитесь по домам, граждане. Свою конкубину я вам не отдам.

– Мы сами возьмём! Граждане! Армия не воюет с гражданским населением! Не бойтесь солдат! Хватайте чистокровную!

Толпа качнулась... Преторианцы изготавились к стрельбе. Подстрекатель примолкший было, опять начал кричать:

– Не бойтесь солдат, граждане! Они блефуют! Они не будут стрелять в народ! Хватайте чистокровную!

Консул любезно сказал:

– Здесь нет солдат, гражданин. Это мои преторианцы.

Толпа качнулась назад. Почему все так боятся преторианцев? Личная охрана военачальника, набираемая им из ветеранов, прошедших с ним несколько боевых кампаний... Да-а-а... На закон они смотреть не будут. Их закон – консул.

– Ты не посмеешь стрелять в людей, консул! Тебе не простят!

Консул, неожиданно весело, ответил:

– Да плевать мне... У нас с ребятами "прекрасный год". Знаешь, что это?

Я знала. И все знали. Толпа исчезла в мгновение ока. Просто растворилась в воздухе...

"А что такое "прекрасный год"?" "Я тебе потом объясню". Быстро иду за консулом к большому десантному катеру, зависшему над посадочной площадкой для гражданских машин. Столб света, и протянутая мне рука:

– Воробышек, иди сюда и ничего не бойся.

Мы поднимались в катер в световом столбе, а преторианцы держали под прицелом периметр. Антигравитационный подъёмник безопасен. Ни газ, ни излучение, ни механическое оружие не сможет достать тех, кто внутри. Может быть он и не так называется, конечно. Но по факту действия: внутри светового столба нет силы тяжести, но есть притяжение катера. Мы всплыли в люк, поднялись до уровня пола, патриций ухватился за поручень, и вытащил меня и себя, просто шагнув наружу. И вовремя: за нами посыпались преторианцы. Как горошины из стручка. Наверное, для меня включали щадящий режим подъёма.

Консул передал меня в руки подскочившей женщины-офицера. И отправился в рубку, на ходу отдавая приказы. Пожалела, что у меня нет ещё одного кольца-переводчика. Я ни слова не поняла. Хотя говорили на стандартном языке, но исключительно спецтерминами. Интересно, а у женщины тоже "прекрасный год"?

Меня усадили поближе к медицинскому отсеку. На случай, если мне станет плохо? Помалкиваю, – не знаю, как разговаривать. Все бесстрастно любезны. А что на самом деле, – не поймёшь. Зачем консул заключил конкубинат? Да ещё сенатора заставил засвидетельствовать. Он не нуждался в оправдании, вытаскивая меня из портальной станции.

Катер летит в сторону вулканов. Пятнадцать лет назад было извержение, в котором чуть не погибли девятнадцать дев-

чонок. Тогда ещё не дорогих мамочек. Нам было по двенадцать лет. Меня на ту экскурсию не взяли. Я была наказана. Вместе с ребятами. Позор школы! А всего-то и сделали, что в начале летнего ливня закрыли сливные отверстия на крыше корпуса. Бортики по краю – сплошные, высотой больше метра. Образовался небольшой бассейн. А когда наши преподаватели неспешно пошли по дорожке вдоль корпуса, мы эти отверстия открыли. И ясным безоблачным вечером (ливень был утром) ни с того ни с сего, из водосточных труб начали бить струи воды. Мы ухохатывались, глядя на прыжки профессуры, пока кто-то из них не поднял голову и не засёк нас. Пришлось много выслушать. И лишиться экскурсии.

Катер сделал круг над вулканом. Из люка посыпались белые цветы. Я сначала подумала, что пошёл снег, потом включила приближение поверхности на экране и увидела... Выключила. И долго сидела бездумно глядя в переборку медотсека. Вот, значит, что... Тогда, на этом месте оказались пятеро молодых офицеров флота. Они закинули испуганных девчонок в свой флаер. Включили автопилот. Флаер вернулся на военную базу. Девочек доставили в школу спецрейсом. А там... Когда всё заливают магмой... Может быть они подарили друг другу лёгкую смерть. Хотя... Военные, скорее всего, просто встречали ту, которая уже шла к ним. Среди них было две женщины... До "прекрасного года" им оставалось больше тридцати лет.

Барон Алек ожидающе шевельнулся. Да... Прекрасный

год... Когда мы говорим о сроке жизни, то упускаем из виду в каком состоянии человек находится в конце этого срока. Тысячу лет назад средний срок жизни составлял тридцать лет. Но уже после двадцати люди медленно, но с ускорением превращались в развалины. Даже сейчас после тысячелетия вливания свежей крови, средний срок жизни составляет от семидесяти до девяноста лет. Дети дорогих мамочек живут около ста пятидесяти. Их дети уже скатываются до восьмидесяти – девяноста лет. И так далее. Два раза подряд дорогую мамочку ни одна патрицианская семья не потянет. И к старости всё равно поднимают голову генетические заболевания, полученные в результате освоения планеты.

Фармакологи работали над этой проблемой с начала освоения. Им удалось получить вакцину. Но, с дополнительными условиями. Прививка от старости укорачивает жизнь примерно на треть. Поэтому на неё и соглашались, в основном, военные. Состав крови слегка меняется. И продолжает меняться с каждым годом. В последний год жизни кровь по цвету и запаху (медики шутят, что и по вкусу) напоминает полынную водку древности. Кто-то вспомнил строки из песни древнего барда: "И если кровь уже полна абсента, Вам остаётся год, прекрасный год!" (© М. Мерман "Художник (светлой памяти Тулуз-Лотрека)"). Вот отсюда и пошло это название "прекрасный год". Как правило, если нет войны, "прекрасный год" проводят, исполняя свои мечты. Хотя, военные предпочитают провести его, сражаясь. Но... Не всем

везёт. Команды стараются подбирать с расчётом, что "прекрасный год" они проведут вместе. Боевое братство в полном объёме.

"Это разумно. Позволяет сильнее сплотить команду" – прошелестел барон. – "Наверняка. Я не специалист".

Откинулась на спинку кресла, и дремала, пока меня не разбудил вернувшийся консул.

– Воробышек, просыпайся. Две минуты до прибытия на базу.

Подумать только, я ещё возмущалась поведением Зигги. Две минуты до прибытия!.. Барон Алек насмешливо улыбается. Где-то очень глубоко...

Прилипла к иллюминатору. База, это нечто! Похожа на какое-то невероятное чудовище. Именно чудовище, потому что она живая. Я только слышала о таких разработках... А вот теперь, смогу потрогать. Если мне разрешат, конечно.

Так и не смогла увидеть место посадки. Облетали базу по спирали, и вдруг, – раз!– и сели. И меня уже за руку тащат к выходу, потому что я не успеваю за вроде бы неторопливо идущим консулом. У легионеров бесстрастно-вежливые лица, а губы чуть подёргиваются. И глаза блестят. Ну конечно! Клоуна нашли...

Уселись в прозрачную капсулу. Стенки живые и тёплые (я погладила украдкой), значит капсула – порождение базы. Капсула плывёт по коридорам, встречные салютуют консулу, с любопытством разглядывая меня. Они что? Дорогих мамо-

чек не видели? Добрались до арки, отделяющей жилой сектор высшего командного состава. На её верхней части замигали меняющиеся символы, плита, перекрывающая вход растворилась в воздухе, напомнив замковое окно, и снова восстановилась за нашими спинами. Капсулу оставили перед аркой. Идём пешком. Опять меня ведут за ручку... Навстречу стремительно шагает легат. Салютует, и улыбаясь спрашивает:

– Забрал свою девочку, Марк? Значит, можем начинать?

Всё интереснее и интереснее! Значит, консула зовут Марк. Впрочем, для меня он – благородный Флавий. А что они собрались начинать?

– Люк, это Воробышек. Моя конкубина. Сейчас я её устрою, и присоединюсь к вам.

– Приветствую, прекрасная Воробышек.

– Приветствую благородного... – лихорадочно вспоминаю командный состав легионов...

– Вителлий Север. Легат-прим.

Раскрыв глаза смотрю на живую легенду. Луций Кровавый... Освободитель. Ему сейчас... Сколько? Около восьмидесяти... Ну да... Он же, наверняка, привит. И он из первого поколения. Значит его прекрасный год наступит о-о-очень нескоро. Перевожу взгляд на консула, и не вижу разницы. Здоровые тридцатипятилетние мужчины улыбаются друг другу. Первое и второе поколения от дорогих мамочек прививают в тридцать пять лет. Третье и детей от чистокров-

ных отцов – в тридцать. Все прочие – в двадцать пять. Чистокровных не прививают вообще. Дорогие мамочки должны рожать, а мужчины, – до трёхсот пятидесяти лет сохраняют свою функциональность в полном объёме, и генетических заболеваний не имеют. Так что, в прививке чистокровных нет смысла. Не прививают также женщин, способных рожать. Прививка делает женщин бесплодными, тогда как мужчины становятся стерильными только в прекрасный год. Ну и до двадцати пяти лет не прививают никого.

Легат-прим отправился дальше, а притихшую меня, взяв за плечи, мягко развернули в направлении нашего движения.

Покои консула состоят из пяти комнат, включая кабинет; небольших терм, и зимнего сада. Тоже небольшого. Ну удобства, конечно, имеются при каждой комнате. Интересная планировка. Вероятно на случай локальной разгерметизации. Мне выделены личная маленькая гостиная и гардеробная с автоматом-ателье. Спальня – общая с консулом. Ну да, – я же его конкубина. Впрочем, в гардеробной есть диван... В большой гостиной – настоящий камин. Конечно вряд ли он топится дровами. Всё-таки это военная база, и сразу включится противопожарный режим. А над камином висит голограмма. Пять молодых офицеров флота возле флаера... Две женщины, трое мужчин... Все пятеро улыбаются...

– Это последнее изображение моей жены. Нас с легатом Вителлием срочно вызвали в штаб флота, а она всё же по-

ехала посмотреть на вулканы. Мы должны были отправиться туда всемером... Ей в тот день исполнилось двадцать пять лет.

Слов нет. Что можно сказать?..

– А меня в тот день не взяли на экскурсию. Я была наказана...

– Я знаю... Легат Вителлий выяснял, почему ваш флаер оказался неисправен, и не смог забрать девочек. И списки девочек изучались пристально. А отсутствующие – ещё более пристально. Легат высоко оценил вашу с ребятами шутку с водой. Сказал, что в бытность курсантами они до такого простого способа не додумались.

Начинаю краснеть. Прошло пятнадцать лет... Стыдно... До слёз... Патриций сел в кресло, усадив меня на колени, заглянул мне в глаза, улыбнулся чему-то своему... Поцеловал меня в висок.

– Устраивайся, Воробышек. Увидимся вечером. Покажу тебе базу.

Консул ушёл, а я начала устраиваться. Устроиться мне проще-простого. Я прибыла налегке. Всё своё несу с собой. Сбросила одежду, встала на платформу автомата-ателье. Какая-то модификация новая. Но разобраться можно. Комплекс йоги, и гимнастические упражнения. Вдох-выдох. Голлографическая модель готова. Сделала махровый халат с капюшоном, взяла его, и пошла в душ, предварительно забросив комбез и бельё в утилизатор. Берцы поставила в обувной

шкаф, включив режим чистки. Вымылась с дороги, и закутанная в халат уселась перед автоматом. А он гудит тихонько, пощёлкивает и мигает. Странно. Я ничего, кроме банного халата не заказывала...

Загадка решилась просто. Это же военная база. Получив мерки, автомат изготавливает комплекты формы. Летнюю, зимнюю, форму для занятий физическими упражнениями, форму для занятий боевыми искусствами... И не сосчитаешь! Причём, согласно знакам отличия, я – законтрактованное штатское лицо. О как! То есть он уже со списками базы сверился, и понял, что в штат я не вхожу. Ну... То есть вообще!..

Разозлилась, и сделала себе вечернее платье. Ага! С вырезом до пупа, и боковыми разрезами от талии! Вспомнила горничную, которую мне прислала добрейшая баронесса Зося. Я же конкубина! Буду соответствовать! Подумывала насчёт босоножек, потом решила босиком походить. Пол здесь как в замке: тёплый и слегка пружинит под босой ногой. В обуви этого не чувствуешь. Посидела, подумала. А вдруг легат-прим меня увидит в таком непотребстве? Решила не рисковать. Благородный Флавий добр ко мне, а благородный Вителлий... Ну его нафиг! Отправила платье в мусоросборник. Сделала себе бельё и домашнее платье. Посидела ещё... Время тянется... Сделала-таки вечернее платье. Такого же фасона, как в баронствах носила. Только не клюквенно-алое, которое уже в парадную униформу баронессы превратилось,

потому что понравилось барону Зигмунду. А тёмно-зелёное. Аксамитовое, какое же ещё! Но не со златотканым узором, а скромно серебром и ярко-зелёными шелками по подолу вышитое. И такие же туфли-лодочки на невысоком, семисантиметровом каблучке. Если что, — я в них и бегать смогу.

Разобрала униформу, разложила по шкафам, так, чтобы за две минуты одеться можно было с закрытыми глазами... Платья развесила. Бельё уложила. Оделась в униформу. Сажу, медитирую... Сняла униформу, одела гимнастический купальник, пошла в термы заниматься йогой. Другого места для занятий здесь нет. Прodelала комплекс упражнений... Надо, пожалуй, вязанием озаботиться. Или вышивкой заняться. Гобелены можно ткать...

Четыре часа прошло! Я есть хочу! Где он, этот консул?! Переоделась в домашнее платье, вышла в сад. Сажу под кустом, бросив коврик на травку. Коврик делала не торопясь, обдумывала каждую завитушку узора. Надо попросить качели поставить, а то я от скуки все комнаты коврами застелю. Придёт консул, и не узнает своё жилище. Превратится оно в юрту кочевника... И почитать нечего. Устав, и тот куда-то убрал. А должен под рукой быть... Кстати да! Надо бы ознакомиться с распорядком!

Слава Богу! Пришёл консул. Вместе с легатом-прим. Хорошо, что платье выбросила. В домашнем-то... Легат Вителлий обошёл вокруг меня, покрутил головой, и сказал консулу:

– Надо сокращать совещания. Страшно представить, до чего может додуматься скучающая женщина!

Пока мужчины беседовали в кабинете, переоделась в свой комбез. Одежда и обувь от серых лордов, к счастью, – неуби- ваемые. Потом спрошу, какая форма какому случаю соот- ветствует. Очень её у меня теперь много!..

Глава вторая:

О знакомстве с военной базой, конфликте с лега- том-прим, а также о посещении Военной Академии и зна- комстве со вторым сыном.

Переоделась и сижу. Жду. Голодная! Кобра обо мне забо- тился! А консул бросил на произвол судьбы!.. Конечно, Коб- ра меня женой назвал, а консул конкубиной... Но кормить-то меня всё равно нужно?! От скуки вызвала мишень, начала ножички бросать... Мужчины выглянули на стук, легат вы- звал результаты попаданий, заулыбался:

– Кариссима (здесь: драгоценная), посиди ещё полча- са-час. Потом консул покажет тебе базу.

– Спасибо, легат Вителлий. А может быть, пока вы заняты, мне кто-нибудь покажет столовую?

Очень есть хочется! Иначе бы не заговорила. Спрашиваю и внутренне трясусь. Легат смотрит на растерявшегося кон- сула... Потом поворачивается ко мне:

– Ты не ела с момента прибытия.

Поскольку меня не спрашивают, молчу. Уже жалею, что заговорила.

– Кариссима, я не могу отправить консула на гауптвахту. Нет у меня таких полномочий. Но он осознал, уверяю тебя.

А консул просто подошёл к стене гостиной, вызвал кули-
нарный автомат, набрал какой-то код...

– Полный офицерский обед, Воробышек. Посуду куда от-
править знаешь?

– Да, благородный Флавий. Спасибо.

Ну, это же совсем другое дело! Наелась... До осовелого
состояния. Полный офицерский обед надо заказывать после
марш-броска. Посмотрела программы автомата, сделала се-
бе чай с корицей. Сижу, блаженствую... Час прошёл неза-
метно. Мужчины, наконец-то, покинули кабинет. Доволь-
ные, и готовые к подвигам. Легат распрощался, а консул по-
вёл меня за ручку осматривать базу. Точнее, часть, предна-
значенную, для высшего офицерского состава.

Кают-компании, как таковой, нет. Точнее, есть, но не для
конкубины консула. А в тренировочные отсеки ограничений
в доступе нет. Осмотрели полигоны, полосу препятствий,
стрельбище, и вышли наружу. Ну, не совсем наружу, база от-
крыла нам панорамное окно. В рубке наблюдающих за тре-
нировками по пилотированию лёгких флаеров. Благородный
Флавий поинтересовался, умею ли я управлять такого типа
аппаратами. Получив ответ, что нас этому учили, отвёл меня
в ангар. Ага, и усадил в кабину.

– Спрашивай, если что-то не поймёшь.

Осмотрела приборную панель... Вроде бы всё понятно.

Всё на месте.

– На нашей учебной машине управление было таким же, как здесь, благородный Флавий.

На экране пилота высветилась схема упражнений. Консул включил режим наблюдения, и пристегнулся. То есть мне предлагается полетать? Сказать ему, что я за штурвалом была больше полугода назад?.. Нет, не скажу. Запрёт в своих комнатах. Или это каюта называется? Не важно. Включаю режим пилота. И-и-и... Блокировка. Вас тут не стояло. В списках не значится, то есть... Консул набрал код на своём наруче, и система заработала. Похоже, кроме консульской каюты мне никуда не сунуться. Безопасность... Ну ладно. С этим позже... Полетаем!

Руки над панелью управления... Не прикасаюсь, пока. Настраиваюсь. Сливаюсь с флаером в одно целое. Как учили. Не надо думать. Я же не думаю, когда дышу, или хожу... Вот и теперь... Поехали! Движок мощнее у этой птички. И баланс немного иной. Плавнее... Плавнее... Что у нас там? Виражи и петли, пикирование, горка, бочка, переворот на горке, ага, – мёртвая петля и штопор... Ну хорошо, хоть кольца ловить на шило для первого раза не предложил мне благородный Флавий. Аккуратно захожу на посадку. Мягче, мягче... База живая, не надо на неё плюхаться... Представила, что сажусь на ладонь... Всё! Отключила режим пилота. Украдкой погладила кончиками пальцев... Смотрю на консула, изучающего показания наблюдателя...

– Эй, салага! Есть предложение! Через пятнадцать минут вылетаем из пятого ангара. Кто больше возьмёт на шило, ставит выпивку на всех! Что скажешь?!

Громкая связь, включившись, заставила подпрыгнуть на сиденье... Сглазила! Подумала о ловле на шило... Что скажет консул? Консул включил громкую связь:

– Азиний, это ты буянишь? Сегодня никаких соревнований. Если тебе нечем заняться...

– Понял, мой консул!.. А завтра?

– Посмотрим...

Выключил громкую связь, отключил системы, выпрыгнул из флаера и достал оттуда меня. И опять повёл за ручку.

– Тебя хорошо учили, Воробышек. Возвращаемся. Остальное – завтра.

– Можно мне будет позаниматься на полосе препятствий, благородный Флавий?

– Тебе открыт допуск на перемещения внутри базы, Воробышек. Покинуть базу даже для тренировки, ты можешь только со мной. Или с легатом Вителлием.

Вот уж чего не надо, так это общества благородного Вителлия! Но об этом я благоразумно молчу, телепаясь за консулом. Вроде бы медленно идёт, а я не успеваю. Или это я замедляю шаги?... Мы возвращаемся... В его каюту... Я его конкубина... В горле пересохло, и опять нелады с дыханием... Я сегодня утром проснулась в объятиях Зигги. Бежала с ним по лабиринту, а когда взошло солнце, его лучи ме-

ня "расплавили". И я оказалась на портальной станции Нового Вавилона. А теперь, спустя несколько часов, я должна исполнять обязанности конкубины консула Флавия... Меня начинает бить дрожь. Старательно загоняю её внутрь. Говорю себе, что если бы не консул, меня бы уже просто не было. И консул отец моего второго сына... И он всегда был добр со мной... Не помогает! Начинаю дыхательные упражнения. Вдох, выдох. Стараюсь выбросить все мысли из головы и успокоиться. За всеми этими переживаниями совершенно не заметила, как мы дошли до каюты консула. Вошли внутрь, дверь закрылась.

– Воробышек... Ты хотя бы слово слышала из того, что я говорил по дороге?

Жалко моргаю в ответ, потому что я не только не слышала, я и не видела ничего и никого...

– Да простит мне благородный Флавий мою невнимательность.

– Простил.

Взял меня за плечи, начал склоняться ко мне... Я, испуганно отпрянув, прошептала:

– Нет-нет...

Консул мягко улыбнулся мне:

– Не бойся... Тяжёлый день для тебя. Я не буду настаивать... Я понимаю...

Смотрю на консула, ругаю себя: у него "прекрасный год", а я... Всё равно через три года попаду в действующие спис-

ки... И кого мне там подберут, неизвестно... Потом всё-таки обратила внимание на последнюю фразу:

– Понимаешь?

– На твоём теле очень характерные синяки, Воробышек...

Начинаю краснеть... Вся... Целиком... У Зигги пальцы железные, я уже и не обращаю внимания на синяки... Консул грустно улыбается:

– Ложись спать, Воробышек. Я ещё поработаю. Не жди меня...

Ушёл в кабинет. А я отправилась в душ, продолжая себя ругать... Но когда я рассмотрела казённую пижаму, в которой предлагалось спать... Настроение моё улучшилось. Надо было её под комбез одеть. Тогда бы консул сбежал в кабинет сразу, едва я разделась. И мне не пришлось бы испытывать чувство вины. Интересно: хоть кто-нибудь из женщин использует этот шедевр военного дизайнера по прямому назначению? Наверное, цвет и фасон придуманы в целях устрашения противника. На случай внезапной ночной атаки. И враг бежит, бежит, бежит!

Отправилась в гардеробную делать себе ночное одеяние. Пижамы я сроду не носила. Сделала себе двенадцать батистовых ночных рубашек. Стандартного фасона: вырез до пупа, кружавчики, длина до щиколоток. Задумалась: зачем столько? Потом вспомнила, что я приняла решение не огорчать консула. К рубашкам сделала ещё пару атласных халатов фасона "кимоно". С драконами и змеями. Драконы по-

лучились не очень реалистичными, – я их ни разу не видела; зато змеи... Вспомнила экскурсию в лабиринт барона Алека и сатх... Вот и изобразила сатх на халате. Жуть как красиво получилось! Надела одну из рубашек, и легла спать, бросив халат на вешалку возле кровати...

Зигги пришёл уже под утро. Осторожно лёг, стараясь меня не разбудить. Обняла его, и была тут же подхвачена сильными руками. А где-то глубоко в мозгу звенел и звенел тревожный сигнал. Хотела спросить, мне закрыли рот поцелуем. А позже стало не до вопросов. Да я и вспомнила, проснувшись, что Зигги остался в своём мире, а я делю ложе с консулом Флавием. Вспомнила также, что именно это я и собиралась сделать. Не портить благородному Флавию его "прекрасный год"... Он это заслужил. Поплачу я, оставшись одна... А рядом с консулом, его конкубина будет улыбаться.

Хищно оскалившись перебросила боевой нож в правую руку. Метательный тихо скользнул из рукава в левую. Бросок вперёд и вбок. Скрежет отбитого клинком лезвия... И звон, отмечающий поражение жизненно важных органов. Если не можешь победить честно, – просто победи...

– Кариссима, ты меня поражаешь! Кто тебя учил?

– Легат Вителлий с моим учителем незнаком. Он из другого мира. (Не буду плакать... Зигги придёт за мной. Он обещал!)

– Напишешь отчёт о своём пребывании там.

Мои пальцы вновь ощутили холод стали, а легат-прим,

останавливая моё негодование, вскинул руку:

– Личные аспекты меня не интересуют. А вот мир в котором ты была, – очень даже. Ты не забыла, что проходила испытание, кариссима?

Вот гадство! Я же действительно должна написать отчёт. И что писать? А почему легат-прим этим интересуется?..

– Ты конкубина консула, кариссима. Твоё личное дело передано в его канцелярию. Все сведения о тебе убраны из архивов. Из всех архивов. Тебя нет. Поняла, кариссима?

– Нет. Это обычная практика? В отношении конкубин?

Молчание. Вежливая холодная улыбка. Захотелось нарисовать ножом ещё одну, под подбородком легата. Вспомнила, что около сорока лет назад, во время кровавой вакханалии "Освободительного движения" Луций Вителлий Север был консулом. Это потом уже, после предотвращения переворота; спасения городов, жители которых оказались заложниками, он получил негласное прозвище Луций Кровавый. А на трёх планетах его зовут Освободитель. В благодарность за блистательную операцию его разжаловали в рядовые легионеры. И отдали было под трибунал. Но армия пригрозила, что устроит такие беспорядки, что сенату этот, предотвращённый им переворот, покажется детским утренником. Поэтому ограничились разжалованием. Даже имущественные интересы не затронули. Побоялись создать прецедент... А вот жена от него ушла. Благородная Цецилия не желала жить с "кровавым чудовищем". Дура! Впрочем, о мёртвых

дурно не говорят. Может быть, она просто не захотела стареть рядом с молодым мужем. Тоже версия, имеющая право на жизнь.

– Когда я должна представить благородному Вителлию отчёт?

– Три недели, кариссима. Отчёт должен быть подробный.

– Благородный Вителлий позволит задать вопрос?

– Позволю.

– Если меня нет в списках, то меня не включают в действующий реестр?

– О чём речь?

– Об очереди на рождение детей. Через три года меня должны включить в списки матерей.

– И? Что тебя не устраивает? Такая сложная, изматывающая работа?

Смотрю на легата, и думаю: зачем я заговорила об этом? Вот уж, действительно: нашла у кого спрашивать! А слёзы от обиды уже щиплют глаза.

– Сложности морального порядка...

Легат широко раскрыл глаза:

– Мора-а-ального... Ну на-а-до же!

Потом, вероятно, ему надоело разговаривать со мной, и благородный Вителлий отрезал:

– Твой долг рожать здоровых детей, чистокровная. За это ты получаешь полное государственное обеспечение. И не говори мне о морали, у тебя её нет. Вас так воспитывают. До-

рогая мамочка!

Смотрю на любезно улыбающегося легата... Старательно вспоминаю его досье... Да, у дорогих мамочек тоже есть досье. Которое пополняется с каждым "выходом в свет". Все разговоры, ведущиеся в нашем присутствии, обрывки разговоров, все события записываются на сложносоставной браслет, обязательный для ношения вне нашей резервации. Я оставила его в камере хранения порталной станции, а сейчас он опять на мне. Эксперты резервации проанализируют эту беседу, а пока что... Имею я право разозлиться? Надое-ло выслушивать!

– Не надо тыкать мне в нос моей чистокровностью, благородный Вителлий! Ты сам больше чем наполовину чистокровный! И если, почти шестьдесят лет назад, твоя дорогая мамочка не пожелала тебя видеть, я здесь ни при чём! Не срывай на мне свою злость, полукровка!

Оскорбительное слово, подхваченное в другом мире возымело неожиданный эффект. Легат внимательно осмотрел меня посветлевшими от злости глазами. Так, как будто впервые увидел. И увиденное ему понравилось. Широко улыбнулся:

– Ты абсолютно права, кариссима. Приношу самые искренние извинения.

Захотелось надавать себе пощёчин, или перерезать собственное горло. Правильно Зигги меня дурой назвал. Легат не простит. Не умеет. Он так воспитан. Что ж, слово не во-

робей! Буду молиться, чтобы Зигги нашёл меня раньше, чем уйдёт консул Флавий.

– Завтра продолжим, кариссима. Без оружия. Ножом пользоваться ты умеешь.

– Благородный Вителлий...

Поднятая рука остановила вопрос. Легат Вителлий не желает со мной разговаривать. Молча отвёл меня в каюту консула. Как в тюрьме. Одна по коридорам я не хожу. Задумалась... В замке я тоже одна не ходила. Только в замке я была баронессой, а здесь – конкубина консула. И меня нет. Ни в одном архиве. Со мной можно сделать, что угодно. Меня нет. Поёжилась. Когда консула не станет... Меня защитит только статус дорогой мамочки. А, может быть, и статус не защитит.

Консул вошёл стремительно, как всегда. Поприветствовал легата. Положил мне руки на плечи, заглянул в глаза:

– Глаза грустные, Воробышек. Тебе скучно? Я могу отвезти тебя в поместье, но мне надо быть здесь.

– Мне не скучно. Я буду рядом с тобой, благородный Флавий.

– Я получил разрешение Академии. Завтра мы навестим нашего сына.

Разозлилась. Что сегодня за день такой?!

– Твоего сына!

Презрительная улыбка легата. А консул, с нажимом, повторил:

– Нашего. Нашего сына, Воробышек.

– Я не хочу! Я не поеду!

Благородный Флавий растерянно смотрит на легата, который насмешливо поясняет:

– Чистокровные со своими детьми не встречаются, Марк. Они им не нужны.

Стиснув зубы, проглотила первые слова ответа. Потом пояснила:

– Мой первый сын, рождённый от патриция Мария, пожелал меня увидеть. Когда куратор привёз меня в поместье патриция, пятилетний ребёнок обошёл вокруг меня, как недавно легат Вителлий, и сказал: "Пусть это существо уйдёт". Мне совсем не хочется услышать это ещё раз, благородный Флавий.

Патриции переглянулись. Легат, пожав плечами, сказал, как будто это всё объясняло:

– Благородная Калерия...

Консул, холодно взглянув на меня, сказал:

– Завтра мы едем в Академию, Воробышек. Разрешение получено на троих посетителей, и я не намерен вносить срочные изменения ради твоих капризов. В первый год обучения посещения запрещены. Мне сделали послабление в силу обстоятельств. В следующем году навещать сына ты будешь с легатом Вителлием.

Молчу, опустив голову; рассматриваю орнамент на полукаюты. Потом, вспомнив барона Витольда, собралась с силами:

– Прости меня, благородный Флавий. Мне стыдно.

Когда ушёл легат, я не заметила. Каюту мы с консулом в этот день уже не покидали. А утром, погоняв меня на полосе препятствий, благородный Флавий приказал собираться. Перебирала форму, перебирала... Потом решилась, и надела парадное одеяние, туфли и берет. Зря я, что ли, их делала? Я не военный. И не патрицианка. У дорогих мамочек униформы нет. Только браслет, скрытый сейчас под длинным рукавом шелкового платья. Посмотрела в зеркало, – какая-то незавершённость в облике... Но украшений у меня здесь нет. Придётся обойтись. Разве что вместо броши приделать на грудь знак вольнонаёмной? Или не брошь, а повесить на шнурке опознавательный медальон, полученный с униформой?.. Мысленно махнув рукой, вышла в большую гостиную.

Консул с легатом встали при моём появлении. Воспитание – вопрос самоуважения. Впрочем, патриции об этом не задумываются. Консул удивлённо приподнял бровь, а легат, рассмотрев меня, вышел, сказав, что сейчас вернётся. Вернулся с футляром для ювелирных украшений, достал из него подвеску на витой цепочке:

– Это предназначалось для чистокровной. Пусть чистокровной и достанется.

Открыла рот сказать, что мне ничего не надо. Консул сжал мою руку, кивнув головой, на вопросительный взгляд легата. Луций Вителлий Север подошёл ко мне и застегнул цепоч-

ку у меня на шее, не коснувшись меня. Консул нажал пару символов на своём наруче и стена каюты, став зеркальной, отразила наше трио: консула и легата в парадной форме и меня в старинном наряде с каплей звёздного света, сияющей на груди. Почти шестьдесят лет назад двадцатилетний мальчишка, только закончивший обязательный трёхлетний контракт после Академии, приехал в резервацию, с просьбой о свидании со своей чистокровной матерью. Почему она отказалась его видеть? Никто не знает. А подарок, который он так тщательно подбирал для неё, теперь завершает мой облик "принцессы".

Пока шли по коридорам, нас и меня, в частности, поприветствовали, кажется, все. Военные, – как дети. Кто-то раскланивался, изысканно помахивая десантным беретом, вместо шляпы с перьями, кто-то припадал на колено, прижав руку к сердцу... Даже консула с легатом не испугались. Впрочем, чего бояться в "прекрасный год"? Но ведь не у всех же? А когда мы подошли к шлюзу посадочной площадки, включилась громкая связь, и после нескольких тактов церемониального марша, прозвучало:

– Подать карету ко дворцу!

Я уже не знаю, смеяться, или плакать. У консула подрагивает уголок рта, легат даже ухом не ведёт, как будто так и надо. Уселись в капсулу, и катер втянул её, зависнув над внешними створами базы. Почему мы летим навещать ребёнка на тяжёлом десантном катере, пригодном для боя в открытом

космосе?

– Ты произвела неизгладимое впечатление на весь личный состав, Воробышек.

– Это плохо?

– Не знаю ещё.

Удивилась. Как консул может не знать своих людей? Благородный Флавий пояснил:

– Твой образ принцессы из рыцарского романа может спровоцировать легионеров на подвиги. Исключительно с целью привлечь твоё внимание.

– Надо было одеть форму? Я вспомнила твоё возмущение, когда ты ожидал увидеть женщину, а не воробышка, и подумала... Я могу переодеться.

– Не надо, Воробышек. Пусть ребёнок увидит в матери принцессу. То что ты чистокровная, ему успеют объяснить.

Анк Флавий, сын консула, оказался копией отца. Даже смотрел на меня почти так же растерянно-недоверчиво. Я тоже растерялась. Не знаю, как общаться с детьми. Нас действительно приучают забывать их, после того, как они переданы родителям, или государству. Учитывая, что у дорогой мамочки может быть от шестидесяти и более детей, это разумно. Да и родителям-патрициям спокойнее...

"Включила" дорогую мамочку, улыбаюсь отстранённо-доброжелательно. Консул с легатом ушли решать какие-то вопросы, а я осталась с ребёнком, и с наблюдателями из его однокурсников, один из которых не преминул выска-

заться:

– Флавий сказал, что к нему мама приедет. А это всего лишь дорогая мамочка!

Продолжаю улыбаться. "Не слышу" оскорбления. А вот ребёнок скользнул к говорящему, и молча двинул ему в глаз. Получил сдачи, ответил болевым приёмом. И стоя над завывающим от боли противником, объявил всем:

– Это, – моя мама. А тот, кто назовёт её иначе, получит в глаз!

– Правильно. А курсанты Вителлий Флавиан и Ливий получают неделю гауптвахты. За драку.

Поворачиваюсь на голос. Офицер. Форма отличается от военной. На меня смотрит с вежливым безразличием. Интересно, какой факультет Академии консул выбрал для нашего сына. Спросить сейчас? Или?.. Лучше на обратном пути. Консул с легатом вышли из административного корпуса. Наверное, скоро поедет. Какая-то неувязка с именем сына... И ребёнок смотрит на офицера удивлённо. Но не спрашивает. Все дети подтянулись и "едят глазами начальство".

– Вителлий Флавиан?

– Я сказал, что в следующий раз ты приедешь навестить сына с легатом Вителлием. Мы провели обряд усыновления. Начальник Академии и куратор группы засвидетельствовали. Теперь Анк Флавий зовётся Луций Вителлий Север Флавиан.

Судя по выражению лиц сокурсников, сын поднялся на

недосягаемую высоту. Придётся ему доказывать свою исключительность. Пусть привыкает.

Ребёнок старательно сдерживает слёзы. Консул сказал мне, что, отправляя сына в Академию, предупредил его о "прекрасном годе". Похоже, что мальчик только сейчас осознал, что это означает. Шагнула к нему, непроизвольно. Потом, опомнившись, остановилась. Посмотрела на консула, на легата... Вежливое безразличие. Ну конечно! Мужчины не плачут! И я не буду. Принцессы не плачут. Они улыбаются. Даже, когда на самом деле плачут. Протягиваю руку, поправляю растрепавшиеся в драке волосы ребёнка. Тихо говорю: – Помни, чей ты сын. Я люблю тебя.

Делаю шаг назад. Резко поворачиваюсь и иду к площадке, над которою завис катер. Мужчины следуют за мной. Молча. Потом консул взял меня за руку:

– Не беги, Воробышек. Мы никуда не опаздываем.

Конечно! Мы уже опоздали! Нашему сыну шестой год, и он уже не наш сын. А легата Вителлия. А если бы консул обратился за дорогой мамочкой на четыре года раньше, ему шёл бы сейчас десятый год. Всё равно мало... Может быть ему лучше сейчас привыкать к новой семье. Интересно, у легата есть дети? За дорогой мамочкой он не обращался. А дети патрицианок долго не живут. Даже если, по счастливой случайности, патрицианка рождена чистокровной матерью. (У нас от патрициев в основном сыновья рождаются...) Всё-таки разница между процессами оплодотворения и вынаши-

вания ребёнка – огромна. И силы матери требуются совсем другие, нежели отцу...

Катер забрал нас с парковочной площадки. При его величине, он не смог сесть, и всё это время нарезал круги вокруг Академии, исполняя фигуры высшего пилотажа. Пижоны!

Оказалось, не пижонство, а маскировка. Прокрутили консулу беседу начальника Академии и куратора группы. Куратор – тот офицер, который отправил детей на гауптвахту. Сам обряд усыновления до невозможности официальный. Ритуальное дарение оружия с гербом дома Вителлиев Северов в том числе. Оружие отправилось в сейфовое Хранилище Академии. До семнадцати лет сын его не получит. Что ж защитник у ребёнка теперь есть. А беседа куратора с детьми развеселила консула с легатом, и вогнала меня в шоковое состояние. Не вся беседа, а лишь последний вопрос кого-то из мальчиков.

Речь шла об усыновлении. Точнее, о новом имени, полученном нашим сыном. Куратор объяснил, что в древних патрицианских родах усыновляемый получает полное имя усыновителя. Официальное. Ни Освободителем, ни Кровавым нашему сыну не бывать. Разве что сам заслужит эти прозвища. Вспомнилось, услышанное на базе, ещё одно: "Лютый". Кто-то оговорился, сказав Лютый, вместо Луций? Сомнительно... Учитывая семейное имя "Север" (СЕВЕР – жестокий), картина, прямо скажем, не радует. Но я отвлеклась, куратор об этом не упоминал. Родовое имя усыновлённого по-

лучает окончание "-ан", и ставится после имени усыновителя. Был Анк Флавий, стал Луций Вителлий Север Флавиан. Короткое имя, которым его теперь будут называть: Вителлий Флавиан. И выслушав эти пояснения, один из детей спросил: – А маму Вителлия Флавиана легат тоже заберёт?

Куратор растерялся, потом, собравшись с силами, ответил; что этот вопрос будут решать между собой консул и легат. Ну конечно! Меня спрашивать ни к чему! Сидят, посмеиваются. Хоть бы Зигги скорей объявился! Легата я боюсь...

Глава третья:

О планах военных, тренировке с легатом-прим, а также о соревновании по "ловле на шило", последующем наказании Воробышка и о семейном положении легата Вителлия.

По прибытии на базу все ввалились в каюту консула. Меня отправили в мои комнаты, а консул, легат-прим, и ещё два легата уселись за стол для совещаний. Что-то грядёт масштабное. Легат-прим мелочиться не умеет. Или, как говорится: работает по-крупному, на мелочёвку не разменивается.

Легаты ушли, а консул орёт на огрызающегося легата Вителлия:

– Мы так не договаривались, Люк! Ты с ума сошёл?!

– Мне надоело каждый раз ждать удара в спину, Марк! Я намерен всё изменить. Наши законы, придут, наконец-то, в соответствие с теми, что взяты за основу. Я принял решение, и добьюсь его выполнения.

– Люк, скажи мне: охота на чистокровных... Ты приложил к этому руку?

Молчание. Захотелось увидеть лицо легата. Но высовываться – покорнейше благодарю!

– Молчишь... Воробышек могла... Она мать моего сына, Люк!

– Теперь уже моего. Твоей птичке ничего не грозило, Марк. Пара мгновений страха, не более. Я принял меры.

– Я знаю, что ты всегда добиваешься своего, Люк, но толпа...

– Уснули бы за полторы секунды. Всё проверено, сбоек не обнаружено. Повторяю, Марк: твоя конкубина отделалась бы лёгким испугом.

– А остальные? Остальные дорогие мамочки?!

Всё-таки вышла. Вот кто меня за язык всё время тянет?! Легат, откинувшись в кресле, рассматривает меня, переодевающуюся в домашнее платье.

– То платье тебе больше идёт, кариссима. Раз уж ты вышла, приготовь нам кофе.

Растерянно смотрю на консула. Я знаю, что легат-прим на особом положении. Легенда и всё такое... Но распоряжаться чужой конкубиной? Благородный Флавий кивнул мне. Отправилась готовить кофе. А слушать продолжаю...

– Что с остальными?

– Остальные не шлелись по планете, Марк. В полном соответствии с законом они пребывали в своей резервации, ли-

бо в поместьях патрициев. Только твоя неутомимая птичка отправилась за приключениями. Только она!

– Зачем ты это делаешь, Люк? Используешь возможность отомстить Сенату за разжалование?

– Ты ничего не понял, Марк... Я устал слушать болтунов, стоящих у власти. К чему мы идём, Марк? Они способны заболтать любое решение. Любое! Мы держимся сейчас на прошлом авторитете. И на том, что армия пока сильна. Но уже ведутся речи о сокращении расходов. Ты понимаешь, к чему мы идём?

– Я думал, что мы собираемся просто "подвинуть" Сенат. Чтобы они считались с нами. А то, что ты задумал...

– А что я такого задумал, Марк? Да, я решил, что гражданами будут только те, кто отслужил в армии. Остальные получают статус жителей. А решать, как жить государству, будут те, кто это государство защищает. Ценой жизни защищает, Марк! Репрессий устраивать я не намерен. Проскрипционные списки составлять также. У меня на это нет ни времени, ни желания. Им достаточно знать, что я помню...

В этот момент я вошла с подносом. А когда увидела улыбку благородного Вителлия, появившуюся при этих словах, чуть этот поднос не уронила. Опыт общения с бароном Алеко помог не разлить ни капли. А то бы, возможно, пришлось драить пол в каюте зубной щёткой...

– Ваш кофе, благородный Флавий, благородный Вителлий.

Говорю сладчайшим голосом. Самой противно. Зря я вредничаю, конечно. Легат пугает, заставляя делать глупости. Патриции молча разглядывают меня, пока я сервирую столик, расстелив на нём крахмальную салфетку, и выставив на неё кофейник, сахарницу, чашечки с блюдами, ложечки, тарелочки с канapé и крохотными пирожными. В глазах консула пляшут чёртики. Легат улыбается с непроницаемым видом.

– Будут ещё какие-нибудь пожелания?

– Благодарю, милая. Можешь идти.

Что это? Легат поддержал игру? Отступаю на три шага, и только тогда позволяю себе повернуться спиной к патрициям. Стена становится зеркальной, отразив меня в белоснежном фартуке с рюшами, поверх строгого чёрного платья, оживляемого только воротником и манжетами и в белоснежной же наклёке на высоко подобранных волосах. Все эти дополнения украшены вышивкой ришелье и накрахмалены. Эксперименты с автоматом-ателье продолжаются.

Выставили на самом интересном месте! Но подслушивать не стала. Лучше не рисковать. Ушла к себе. Решила попробовать сделать меховую пелерину. Или обедом заняться? Похоже, легат готовит военный переворот. Провозгласит себя императором? Или не себя? Слишком одиозная для Сената личность... Значит, консула? Поэтому благородный Флавий так орёт? Консула и Сенат выберет. Чего там! Прекрасный год... А наследник консула уже усыновлён легатом... Инте-

ресная картина вырисовывается! Вот только мне в ней места нет. Надо раздобыть координаты мира, в котором остался Зигги. Только ведь никуда не сунешься. За мной тотальное наблюдение. Легат ничего не пускает на самотёк. А я ещё его разозлила...

– Воробышек, ты всё-таки скучаешь... Потерпи ещё немного, и я отправлю тебя в поместье.

– А ты? Благородный Флавий?

– Я буду тебя навещать, Воробышек.

– Я останусь с тобой. Я привыкну. Или ты не хочешь, чтобы я оставалась?

– Я хочу, чтобы ты была рядом, Воробышек. Осталось меньше десяти месяцев...

– Это не обязательно так, благородный Флавий. Насколько я помню, срок точно не определяется.

Говорю всё медленнее и тише... потом, не выдержав, обняла, и спрятала лицо у него на груди. Так страшно! Я жила с Зигги, отсчитывая дни до портала, но мы оба оставались живы, и жива надежда. А... А консул уйдёт навсегда...

– Ну что ты, Воробышек? Что ты?! Всё будет хорошо!

– Ты действительно этому веришь?

– Легат Вителлий позаботится о тебе. Ты мать его сына. Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

– Да. Спасибо, благородный Флавий.

Он не понимает... Они настолько привыкли к "прекрасному году", что не думают о посторонних. О тех, кто не жил в

этой системе. Внезапно подумалось, что когда умрут от старости мои первые сыновья, я буду ещё молода... Слёзы покатались по лицу...

– Я вызову врача, Воробышек.

– Не надо, благородный Флавий. Я сейчас справлюсь...

Переволокнулась...

– Легат Вителлий через два часа ждёт тебя на площадке. Займётся с тобой боем без оружия. Не заставляй его ждать, пожалуйста. Он снисходителен к моей конкубине, но это не будет длиться вечно.

– Я приготовлю обед.

– Обед перед спаррингом?

– Ты будешь есть, а я буду на тебя смотреть.

– Нападай!

Какое счастье, что полы на базе мягкие. Каждый раз, когда я обрушивалась на пол, у меня возникала эта мысль. Легат, по-видимому, задался целью привить мне любовь к дому. Чтобы носа не высывала. Ну не умею я нападать!!! Нас защищать учили! А тренированный боевой офицер стаю гопников голыми руками порвёт. Но! Легат сказал нападать, значит послушно нападаю. Ага! Рухнула и не встаю. Устала уже падать...

– Кариссима, вставай. Мы только начали.

– А можно мне пять минут полежать, благородный Вителлий?

– Вста-а-ать!!!

Вскакиваю, озверело глядя на легата. Я ему что?! Новобранец?!!

– Нападай!

Выбрасываю всё из головы. Начинаю воспринимать благородного Вителлия, как группу. Мягко скольжу мимо хищно подобравшегося легата... Не удар, нет. Прикосновение в момент сближения. Проваливается в пустоту... Падаю вбок с перекатом, плавно поднимаюсь. Ни одного резкого движения, ни одного удара, только прикосновения. Попытки, точнее. Ни разу легат не позволил мне коснуться себя. Но и мне в режиме УБО (УБО – аббревиатура "убийство без оружия") удаётся уходить от ударов. Танцуем по площадке, стараясь достать друг друга. И этот танец начинает мне нравиться. Легат приоткрывается, приглашающе улыбаясь. А я что? Нападаю... Делаю обозначение нападения, в последний момент меняя направление удара. И всё-таки ему удалось меня поймать! А я, падая, зацепила его ногу. Рухнули вместе. Ага. И пальцы на шее. Я держу легата за горло, а он пальцами удерживает мои "сонные" точки. Не усыпил бы! Нет, убрал руку. Медленно. Я тоже сняла пальцы с его горла...

– Хорошо, кариссима. Я доволен. Стрелять умеешь?

– Только из лука.

– Из... Кхм... Ладно. Позанимаешься на стрельбище. Завтра. На сегодня ты свободна.

Передал меня охране и ушёл. А мы пошли длинной до-

рогой. А когда проходили мимо ангаров, появился декурион Азиний. Отсалютовал моим сопровождающим, шутливо поклонился мне, и спросил:

– Как насчёт полетать, Воробышек? Моё предложение остаётся в силе.

– А вдруг я выиграю? Мне не на что ставить выпивку. Я на гособеспечении. И консул сказал, что мне нельзя покидать базу без сопровождения... Только с ним, или с легатом Вителлием...

А полетать хочется! И все это заметили...

– Так ты и не будешь покидать базу, Воробышек. Воздушное пространство вокруг базы считается её территорией.

– Движок не включится...

– Включится! Пятый ангар, Воробышек! Не отставайте.

Отправились к пятому ангару. Сопровождение моё молчит, возражений не высказывает... Надо только условия обговорить...

– Благородный Азиний, я не могу принять условия соревнования. Мне нечем платить.

– Считай это очередной проверкой, Воробышек. Без условий. Согласна?

– Ага!

Лёгкий флаер. Декурион стартует первым. На всё про всё – три минуты. Я со своими сопровождающими и с набежавшими пилотами наблюдаю из смотровой кабины. Термин "Ас" появился в древней истории Земли, и имел отношение

к пилотам атмосферных летательных аппаратов. Но декурион безусловно имеет право на этот титул. Забавно, что родовое имя декуриона начинается со слога "As"... Тридцать два кольца!!! Флаер сновал в пространстве, как иголка в руках вышивальщицы. Благородный Азиний рассчитывает манёвры, смотря на пять шагов вперёд... Я в самые лучшие дни не вытягивала больше тридцати колец. А в крови уже бродит хмель азарта...

Меняемся местами. Азиния все хлопают по плечам, поздравляют. А я иду к флаеру. Кресло пилота настраивается на мои габариты. Сижу, жду разрешения на включение режима пилота. Дааа... Как говорит старая поговорка: "Поищем, где плотник оставил дыру" (© Я. Гашек "Похождения бравого солдата Швейка").

– Порядок! Заводи!

– Почему "заводи", никто уже не помнит. Но разрешение на включение даётся именно этим словом. Включаюсь. Расслабившись, настраиваюсь, – сливаясь с флаером. Поехали!

Вышиваю в пространстве, вылавливая кольца. Считать некогда. Аппарат перешёл в скоростной режим, и выбрасывает их хаотично. Надо уловить, в какой стороне появится кольцо, и взять его "на шило". Несколько уже потеряла... Впрочем, Азиний тоже не все поймал. Время на исходе. Осталось всего-ничего. Пять колец колонной... Ну что ты будешь делать! Обидно! Азиний пропустил... А я... Вхожу в штопор. Все пять взяла. Но раскрытые створы базы прямо

на носу, не увернуться. И не погасить скорость...

А зачем её гасить?! Выровняв флаер, влетаю в створ, мёртвая петля, и брюхом кверху, молясь всем покровителям пилотов, вылетаю из створа. Развернулась, всё ещё на адреналине, выровняла флаер, погасила скорость и пла-а-авно влетела в створ. Посадила машину. Успела открыть кабину. А вот вылезти уже не смогла. Потеряла-таки сознание.

– Идиот!!! Лютый тебя порвёт за девчонку! Чем ты ду-мал?! Дурака кусок!

– Да кто знал, что она сумасшедшая?! Тридцать пять колец!!! Кто их учил?! Я хочу видеть этого пилота!

Тишина. Нет, не так! ТИШИНА... Чёткие шаги, ледяные пальцы на шее... Знакомое ощущение. Недавно они не были такими ледяными...

– Врача вызвали?

– Никак нет, легат-прим! Виноваты!

– Вызвать!

– Не надо врача. Я уже в порядке, честно.

Пытаюсь вылезти из флаера. Голова ещё слегка кружится. Но кровь из носа не пошла. А когда мы отрабатывали мёртвую петлю из штопора, пару раз бывало... У этого флаера скорость выше, и движок мощнее, – соответственно и перегрузки...

– Не дёргаться!

– Да что такое?! В постели ты так же командуешь?!

Опять ТИШИНА... Это я что? Вслух высказалась?!

Оййй... Радостно проваливаюсь во тьму, соскальзывая с открывшейся кабины...

Жужжание анализатора, укол... Ненавижу уколы!

– Она уже пришла в себя, легат-прим. Пять минут полежит, и можете её забирать.

Паника... Не хочу, чтобы легат меня куда-либо забирал!

– Ты можешь идти, Манлий. Консулу я сам доложу.

Звук удаляющихся шагов. Тишина. Присутствие легата ощущается на подсознательном уровне. Почему он молчит? И где все? И, самое главное, где мы?! Тишина...

– Пять минут прошли. Вставай, кариссима.

Села. Открыла глаза... Посмотрела на легата-прим... Встала. Когда на тебя смотрит хищник, его лучше не раздражать... Напоминаю себе, что я теперь мать его сына... Помогает слабо.

– Один вопрос, кариссима: консул предупреждал тебя, чтобы ты не покидала базу?

Влипла! Жалобно смотрю на легата. Бесполезно... Встал, подошёл ближе:

– Предупредил, или нет?!!

Подпрыгнула от неожиданности. Голос пропал от страха, шепчу:

– Предупреждал... дил...

Паника нарастает, сбивая дыхание... И консул ничего не знает!.. Легат схватил меня за шкуру, поднял... Попыталась пнуть его ногой, не тут то было! Ой! Начал ремень на

брюках расстёгивать! Я не хочу!!! Извиваюсь на руке, беспомощная, как плотвичка...

Меня!!! Мать четырёх детей!!! Мать своего сына!!! Высек ремнём! Не снимая комбеза, но больно! А уж унижительно!!!

Завываю, размазывая слёзы кулаками. Съежилась в комочек. Пытаюсь загнать себя в истерику. Не получается. Боюсь, что легат может из истерики при помощи пощёчин выводить. С него станется! Массаж с лавандовым маслом от него вряд ли дождёшься!..

Консул вошёл, когда легат застёгивал ремень на брюках. Я была в ужасе. Подумала, что консул решит, что мы... что я... В общем, понятно, что может подумать консул.

– Чем занимаетесь?

– Да вот... Развлёкся... Бойкая девочка!

– Неправда!

Благородный Флавий всё выше поднимает бровь, а я краем глаза отслеживаю реакцию легата. Он меня точно убьёт! Почему меня на подвиги тянет? Как выразился консул? "Исключительно с целью обратить внимание"?! Мне это удалось! Зачесались места, обласканные ремнём...

– Я просмотрел записи, Люк. Не мучай Воробышка.

Подумала: не наябедничать ли? Потом решила не расстраивать консула.

– И что ты собираешься предпринять?

– А что ты предлагаешь?

– Девочку запереть на гауптвахте. Остальных... Я бы уво-

лил, но нам понадобятся люди. Остальных – в первый эшелон. Выживут – никаких взысканий. Нет, – значит нет.

На гауптвахту не хочется! Название мне не нравится! Жалобно смотрю на благородного Флавия. Получаю в ответ грустную улыбку. Мне становится стыдно. У него прекрасный год, а я, – вместо того, чтобы радовать его, только проблемы доставляю.

– Воробышек побудет под домашним арестом. Остальных, – в первый эшелон.

В каюте, когда я вышла из душа, консул присвистнул. Полосы от ремня вспухли и покраснели. Легат силы не жалел... Я сказала:

– Ты не думай, ничем таким я с легатом не занималась.

Благородный Флавий развеселился:

– Воробышек! До чего же ты бываешь забавная! Чем "таким" вы могли с легатом заниматься?

Потом уложил меня на живот, и начал обмазывать какой-то пахучей мазью, тающей на коже, и охлаждающей пострадавшие места. Терпела-терпела, потом не выдержала:

– А почему мы не могли ничем таким заниматься? У благородного Вителлия проблемы с женщинами? Он меня поэтому избил?

– Нет у него проблем с женщинами. А за что ты наказана, – сама знаешь.

Пропустив мимо ушей последнюю фразу, продолжаю спрашивать:

– А легат-прим, он...

– Воробышек... Давай я попрошу легата Вителлия придти, и ты его обо всём расспросишь.

Надулась обиженно.

– Он теперь отец нашего сына. Я беспокоюсь...

Консул с интересом посмотрел на меня. В глазах заплясали весёлые чёртики.

– И что же тебя беспокоит, Воробышек?

Задумалась... А действительно, почему я заинтересовалась легатом-прим? Потому что он меня высек? Или... Почему?!

Потому что консулу осталось меньше десяти месяцев. И, если Зигги не найдёт меня, придётся налаживать отношения с отцом моего сына. И одно дело – наладить их с легатом-прим, и совсем другое – с его женой. Патрицианки дорогих мамочек не жалуют. И это ещё мягко сказано. Но этого консулу я не скажу. Пусть лучше думает... Что угодно пусть думает. Вздыхаю грустно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.